

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

Злободневное и вечное в пьесе М. А. Булгакова «Адам и Ева»
АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 432 группы
Направления 42.03.02 - Журналистика
Института филологии и журналистики

Татаренко Светланы Владимировны

фамилия, имя, отчество

Научный руководитель

доцент, к.ф.н, доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Т.И . Дронова

инициалы, фамилия

Зав. кафедрой

зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2022

Введение

Пьеса М. Булгакова «Адам и Ева» посвящена острозлободневной проблематике 1930-х годов – предчувствию скорой мировой войны, проблеме политического противостояния двух мировых систем – социалистической и капиталистической – и поиску путей выхода из кризиса. Она относится к таким произведениям, в которых вопросы конкретно-исторические переведены в нравственно-философскую плоскость благодаря интертекстуальным связям с библейским текстом. Булгаков осмысляет актуальную для своей современности тему в характерном для него ключе – не только в социально-политическом, но и общечеловеческом. Пьеса не вписывалась в общественно-литературную ситуацию эпохи и не была поставлена при жизни драматурга. Впервые она была опубликована в России в 1987 году.

Актуальность изучения пьесы «Адам и Ева» обусловлена постановкой драматургом проблем, имеющих не только злободневный, но и долговременный характер. Необходимость анализа проблематики и поэтики произведения определяется также недостаточной исследованностью этих аспектов в работах булгаковедов.

Во введении выпускной квалификационной работы рассматриваются труды исследователей – А. Нинова, Б. Ланина, В. Петрова, Е. Кобзаря, Е. Иваньшиной и др. А. Нинов одним из первых определяет жанр пьесы как антиутопию и обращает внимание на роль библейского претекста. Идею А. Нинова об антиутопической природе пьесы «Адам и Ева» развивает Б. Ланин, отмечая, что в утопическом обществе, изображенном в «Адаме и Еве», легко угадывается реально существующее государство, Союз Советских Социалистических Республик. Исследователь характеризует созданное в пьесе сообщество как мир фанатиков, где преследуют инакомыслящих. Ли Сын Ок, излагая в автореферате диссертации основные положения своего исследования, утверждает, что в пьесе «Адам и Ева»

писатель показывает процесс становления реального антиутопического общества, которым правит Адам, «первый человек».

Особое внимание уделяется во введении работам булгаковедов, посвященным изучению библейских образов и мотивов в пьесе. С разных сторон подходят к осмыслению библейского претекста В. Петров и Е. Кобзарь. Если В. Петров через анализ библейского претекста выходит к социальным проблемам, поставленным драматургом в пьесе, то Е. Кобзарь переносит акцент на ведущую роль интертекстуальности в организации художественной структуры произведения, обнаруживает ее значение в придании пьесе философичности, в раскрытии актуальных проблем современности с точки зрения вечных культурных ценностей.

Е. Иваньшина, используя структурно-семиотический подход, выявляет семиотический потенциал формальных элементов произведения: эпитафий, списка действующих лиц и др. В статье Ж. Толмачевой с лингвистической точки зрения рассматриваются способы номинации действующих лиц, демонстрируется их иерархия и разнородность.

В данных публикациях содержится ряд важных наблюдений, но целостного анализа пьесы в избранном в выпускной квалификационной работе аспекте не предпринималось.

Цель работы – выявить авторскую позицию и драматургическое новаторство М.А. Булгакова в пьесе «Адам и Ева».

Для достижения поставленной цели мы ставим перед собой следующие **задачи**:

1. Выявить характер осмысления темы мировой войны в пьесе М.А. Булгакова через анализ приемов построения драматургического действия.

2. Проанализировать различные формы включения библейского текста в структуру пьесы и раскрыть основные функции интертекстуальных связей в свете основного замысла автора.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух аналитических глав: **«Тема мировой войны в пьесе М. А. Булгакова «Адам и Ева» и «Функции библейского интертекста в пьесе М. А. Булгакова “Адам и Ева”»**, каждая из которых включает в себя два раздела; а также заключения и списка использованных источников.

Основное содержание работы

В первом разделе первой главы «Тема мировой войны в пьесе М. А. Булгакова “Адам и Ева”» мы обратились к рассмотрению природы драматургического произведения в теоретическом плане – к выявлению специфики воплощения авторского сознания в драме через слово героев и действие. В этом разделе определяется методология и методика анализа драматургического действия в «Адаме и Еве», предпринимаемого нами во втором разделе первой главы.

Опираясь на сложившиеся в науке о литературе представления, мы даем определение термину драма. Драма в широком значении – это род литературы, в котором текст имеет форму диалога и состоит из реплик действующих лиц, сопровождаемых вставками-ремарками. Драматические произведения предназначены для постановки на сцене, этим определяются специфические их черты:

- 1) отсутствие повествовательно-описательного изображения;
- 2) «вспомогательность» авторской речи (ремарки);
- 3) основной текст драматического произведения представлен в виде реплик героев (монолог и диалог);
- 4) драма как род литературы не имеет такого многообразия художественно-изобразительных средств, как эпос: речь и поступок – основные средства создания образа героя.

Во втором разделе первой главы мы раскрываем идейно-художественные особенности осмысления темы мировой войны в пьесе М.А. Булгакова через анализ приемов построения драматургического действия.

Объектом нашего исследования является характер воплощения в пьесе международной ситуации, о которой идет речь в произведении. Выявляется заостряемая драматургом мысль об опасности идеологического противостояния двух политических систем – коммунизма и капитализма. Свой анализ мы строим на сопоставлении реплик героев. Мы рассматриваем диалоги профессора Ефросимова и Адама, которые ведут полемический диалог о современной ситуации в мире и будущем страны. Масштаб предстоящей катастрофы расширяется за счет введения кругозора Ефросимова, который в своей речи упоминает Америку, Бомбей, Югославию, Испанию, Берлин, Пенсильванию, охваченные стрельбой, тем самым характеризуя общемировое пространство как чреватое мировой войной.

По отношению к войне герои делятся на два лагеря, одни считают, что на стороне СССР великая идея, которую необходимо защищать (Адам, Дараган), другие придерживаются общечеловеческой точки зрения (Ефросимов). На протяжении всей пьесы идейное противостояние персонажей является движущей силой драматургического действия, в ходе которого автором раскрываются острые социально-нравственные проблемы.

В пьесе «Адам и Ева» нами выявляются два типа конфликтов: внешние, являющиеся причиной мировой войны, и внутренние, обусловленные идейной непримиримостью, царящей в советском обществе.

Тема мировой войны реализуется в пьесе не только посредством диалога, но и благодаря введению внесценических элементов во втором акте. Одним из них является развернутая ремарка, которая передает все детали городского пространства и масштаб катастрофы. В ремарке дается выразительное описание катастрофы Ленинграда. Выбитые стекла, трамвай, вошедший в магазин, мертвые вагоновожатая и продавец магазина. Покупатели, находившиеся в магазине, бросившись бежать, умирали на улице. В окнах магазина ранее солнце наверху и внизу дальнее густое зарево, вызывающие авторскую ассоциацию с раем и адом.

В пьесе не показана катастрофа всего мира, трагизм происходящего передается через гибель Ленинграда, второго по значению города СССР, который, как мы знаем, в годы Великой Отечественной войны стал местом многолетнего и крайне упорного сражения.

В финале третьего акта на уровне драматургического действия международный конфликт благополучно разрешается. О победе СССР читатель и зритель узнают из уст Дарагана: погибли лишь некоторые районы, лишь несколько тысяч людей. При этом автор, показывая гибель Ленинграда, акцентирует внимание на том, что победа была достигнута огромной ценой, и что удалось победить враждебный мир благодаря открытию ученого, которого считали врагом, но без него некому было бы спасти СССР.

Ефросимов испытывает глубокое разочарование в человечестве. Он мечтает о том, о чем другие персонажи даже и не думали, – чтобы люди перестали бросать бомбы. Булгаков дает понять, что мир победивших «истребителей» чреват конфликтами, которые не исчезнут с победой в мировой войне. Именно эти – внутренние – конфликты раскрываются наиболее полно в пьесе и движут действие на уровне судеб героев.

Система персонажей пьесы вбирает разные типы советских людей, представляющих социально-нравственный срез общества. Все они, за исключением Евы, в той или иной степени противостоят герою-интеллекту, стороннику общечеловеческих ценностей академику Ефросимову.

Среди героев, противопоставленных академику Ефросимову, можно выделить несколько типов коммунистов. К первому относятся радикальные Адам и Дараган. Конфликт между этими персонажами и Ефросимовым возникает в самом начале пьесы в связи с вопросом, который мучает изобретателя: кому отдать свой аппарат, чтобы избежать мировой войны.

Адама и Дарагана автор сразу же характеризует как представителей уважаемых в коммунистической среде профессий, демонстрирует их

преданность государству. Дараган – командир истребительной эскадрильи – человек новый для драматургии тех лет: он полностью принимает революционную власть и иерархию нового государства. С высоты государственных идей он судит Ефросимова.

Таким же героем, как Дараган, является Адам. Адам берет на себя руководство маленькой колонией оставшихся в живых после гибели Ленинграда, он все так же устраивает заседания и составляет протоколы, как будто ничего не произошло, как будто они живут не в лесу, а все в том же Ленинграде.

В финале пьесы после победы Дараган смягчает свое отношение к Ефросимову. Надеясь на его помощь в спасении отравленного газом Ленинграда, он требует помочь городу. В финале пьесы герой утверждает, что Ефросимов может быть совершенно свободен после того, как поговорит с генеральным секретарем, ведь для него открыт весь земной шар. Но благополучное завершение конфликта между ученым и представителями государственной идеологии в современности не гарантирует, что не возникнет нового витка противостояния в будущем.

В первом разделе второй главы «Функции библейского интертекста в пьесе М. А. Булгакова “Адам и Ева”» мы рассматриваем явление интертекстуальности в теоретическом аспекте, опираясь на исследования Н. Пьеге-Гро и Ю. Лотмана.

Вслед за Н. Пьеге-Гро, мы рассматриваем разные подходы к истолкованию данного термина. Термин интертекстуальность ввела французский филолог постструктуралистской ориентации – Юлия Кристева, сторонница широкого понимания данного явления. Для Кристевой интертекстуальность – это «пермутация текстов»: новый текст создается из предшествующих текстов, которые пересекаются и нейтрализуют друг друга. По мнению Ю. Кристевой, интертекстуальность – бесконечный процесс изменения текстов, текстовая динамика.

С позицией Ю. Кристевой в понимании интертекстуальности как органического проявления искусства текстопорождения сближается интерпретация Р. Барта. Наиболее узкой трактовки понятия интертекстуальности придерживается, по мнению Н. Пьеге-Гро, Ж. Женетт. М. Риффатер же считает интертекст продуктом чтения.

Таким образом, единственной интерпретации интертекстуальности не существует, такое многообразие толкований термина свидетельствует об интересе к нему и его актуальности.

В качестве рабочего определения изучаемого явления мы избираем формулировку Н. Пьеге-Гро: «Интертекстуальность <...> это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты). Таким образом, интертекстуальность – это общее понятие, охватывающее такие различные формы, как пародия, плагиат, перезапись, коллаж и т. д.».

Исследователь показывает, что интертекстуальность – часть сознательной стратегии, направленной на пробуждение памяти читателя; интертекстуальность заставляет по-новому взглянуть на известное произведение.

В методологическом плане для нас также представляет интерес рассмотрение учеными такого явления, как «текст в тексте», одной из форм которого является включение «обломка текста» «в другое смысловое пространство», то есть речь идет об эксплицитной форме интертекстуальности. Одним из первых среди отечественных исследователей к этой проблеме обратился Ю. М. Лотман. Предлагаемый Ю. М. Лотманом подход к роли текстов в культуре становится методологической основой при определении «законов» функционирования структуры «текст в тексте». В

случае включения «чужого» текста в структуру произведения происходит, по мнению исследователя, генерирование новых смыслов.

Во втором разделе второй главы мы обращаемся к анализу различных форм цитирования библейского текста в пьесе.

Острозлободневная проблематика – приближение мировой войны, предстающей в пьесе как свершившийся факт, реализующийся на сюжетном уровне, проецируется на историю человечества, запечатленную в Священном Писании. Благодаря развернутой системе отсылок к интертексту возникает эффект «зеркальных отражений», усложняющих систему персонажей и событий произведения, вводится ценностный критерий, определяющий позицию автора.

Первой и самой очевидной формой связи с претекстом является референция, вынесенная в название произведения, – «Адам и Ева». Драматург не повторяет на сюжетном уровне историю первых людей. Он в своей пьесе-предупреждении предлагает современный вариант грехопадения человечества, отпавшего от общечеловеческих ценностей и создавшего в своем стремлении к познанию и защите идеологических приоритетов оружие массового поражения, угрожающее существованию жизни на земле.

В булгаковской пьесе в день бракосочетания героев, наделенных автором именами первых людей, происходит катастрофа, им предстоит пройти через испытания, в результате которых Ева выберет себе нового Адама – ученого Ефросимова. Но при всем несходстве сюжетных ситуаций Булгаков на протяжении всего произведения подчеркивает переключки героев с протоперсонажами. В третьем акте он вводит в текст пьесы библейский фрагмент, где речь идет об Адаме и Еве. Когда Маркизов читает «неизвестную книгу», он заключает, что это «о наших Адаме и Еве». Таким образом автор проводит параллели между героями и эпохами, обнаруживая различия между ними, но и постоянно напоминая о протосюжете.

Тщательно анализируя каждый интертекстуальный элемент и сопоставляя введенные в пьесу библейские образы и мотивы с текстом

первоисточника, мы смогли понять значение не только явных отсылок, но ассоциативных связей с претекстом.

Нами было выявлено, что в пьесе введены аллюзии, отсылающие к образам змея, сатаны, спроецированные на разных персонажей и восходящие к разным источникам. Для Булгакова при создании образов героев характерна контаминация аллюзий, отсылающих к разным архетипическим ситуациям и персонажам – не только из Ветхого, но и Нового Завета.

Кроме аллюзий, возникающих благодаря введению библейской цитаты, содержащей образ «полевого змея», формой отсылки к образу сатаны является хромота Маркизова, соотносящая Маркизова с Люцифером, который после свержения с небес стал хромым, так же как и Маркизов во втором акте.

Хромота героя позволяет вспомнить еще один из важнейших в творчестве Булгакова интертекстов – «Фауста» Гете, в котором Зибель, глядя на Мефистофеля задаётся вопросом, почему он прихрамывает? Булгаков любил Гете и восхищался его «Фаустом», о значимости «Фауста», как источника демонических аллюзий в «Адаме и Еве» свидетельствует ремарка, открывающая первый акт, и первая реплика Адама.

На наш взгляд, Дараган ассоциативно соотносится автором пьесы с падшим ангелом. Описание падения с неба (с самолета) обожженного Дарагана похоже на низвержение Сатаны с небес.

Образ Ефросимова во многом соответствует традиционной религиозной модели. Первое упоминание Ефросимова приходится на ремарки, где о нем говорится, как о полубоге для старухи, которая ухаживает за ним и его одеждой. Булгаков наделяет его божественными чертами. Также важно сказать о выявлении нами, вслед за Н. В. Куштыменко, ассоциаций со Вторым Адамом – Христом, который был обещан Богом ещё во время грехопадения первых людей.

В образе «призрачной квадриги» – античной двухколёсной колесницей с четырьмя запряжёнными конями, упоминаемой в ремарке, рисующей

картину гибели Ленинграда, нами обнаруживается параллель с четырьмя всадниками Апокалипсиса, персонажами из шестой главы Откровения Иоанна Богослова. Единого мнения, что олицетворяют всадники, нет, но их часто именуют Чума, Война, Голод и Смерть. И в произведении Булгакова мы видим переключку с двумя всадниками: Война (мировая война, настигшая героев), и Смерть, унесшая с собой всех жителей Ленинграда. Таким образом, через точечные отсылки к претексту в пьесу вводятся мотивы и образы Откровения Иоанна Богослова.

На уровне художественной структуры библейский пласт придает пространственно-временную дуплановость произведению: современные события, определяющие развитие драматургического действия, соотносятся с библейскими, задающими нравственно-философские критерии их оценки.

Пьеса «Адам и Ева» имеет благополучный финал, но благодаря множеству аллюзий, отсылающих к демоническим персонажам, автор не гарантирует такой же исход в будущем.

Заключение

Пьеса-предупреждение «Адам и Ева» обогатила жанровую палитру драматургии 1930-х годов. Новаторский характер произведения обусловлен как авторской идеологической позицией, так и особенностями его художественного мышления. В пьесе «Адам и Ева», посвященной злободневной проблеме 1930-х годов – приближающейся мировой войне, М.А. Булгаков не только показал масштаб возможной катастрофы, ее последствия для человечества и – конкретно – для Советской России, но и поставил ряд острых вопросов социально-политического и нравственно-философского характера.

Особенностью булгаковского произведения является определяющая роль в развитии действия внутренних конфликтов, в ряду которых центральным является идейное противостояние ученого Ефросимова и представителей советского общества – инженера Адама и авиатора Дарагана.

Будучи истинным гуманистом, Булгаков вводит в пьесу «Адам и Ева» образ ученого-пацифиста, который вступает в конфликт с военной доктриной советского государства. Не отождествляя своей позиции ни с одним из героев, даже близким себе, драматург через систему конфликтов говорит о тех опасностях, которыми чревата современная писателю политическая ситуация.

В качестве источника нравственных ценностей, утраченных новым миром, в пьесу вводится «неизвестная книга» – Библия, многочисленные отсылки к которой пронизывают произведение.

Образы Адама и Евы и змея-искусителя и – шире – история грехопадения первых людей стали нарицательными, обрели на протяжении веков в культурном сознании символическое наполнение, автор пьесы обращается не только к первоисточнику, но и учитывает последующие приращения смыслов, а также предлагает свою трактовку претекста.

Включение библейского текста в структуру пьесы укрупняет масштаб действия, расширяет художественное время и пространство произведения, придает злободневной проблематике вневременный характер, а произошедшей катастрофе апокалиптические черты. Благодаря библейскому интертексту, в том числе многочисленным аллюзиям, раскрывается символический потенциал системы персонажей, их противостояние обретает не только политический, но и духовный смысл.

При всей значимости для автора интертекстуальных связей с библейским текстом основным принципом введения мотивов и образов претекста является принцип игры. Но то постоянство, с которым М. А. Булгаков на протяжении всего творческого пути, начиная с романа «Белая гвардия» и завершая «Мастером и Маргаритой», вводит в свои произведения интертекстуальные связи с Новозаветными и Ветхозаветными текстами, свидетельствует о признании писателем непреходящей значимости великой Книги.